

DOI 10.25587/SVFU.2018.11.16939

УДК 398.22:81'25 (=512.157)

В. А. Разумовская

Сибирский федеральный университет

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ ОЛОНХО КАК ЕДИНИЦА ПЕРЕВОДА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению культурной информации текста олонхо П. А. Ойунского «Нургун Боотур Стремительный» в аспекте межъязыкового и межсемиотического видов перевода (в понимании Р. О. Якобсона). Эпическое произведение является «сильным» текстом якутской культуры, о чем свидетельствуют популярность у носителей культуры и языка оригинала, устойчивый интерес ученых из различных областей гуманитарных знаний, высокий образовательный и культурный потенциал и регулярная переводимость средствами вербальных и невербальных семиотических систем. Тесная связь олонхо П. А. Ойунского (классического примера следования древней эпической традиции) с реальной жизнью и истинность описываемых событий делает воссозданный текст эпической литературы надежным историко-этнографическим источником информации о культуре и истории якутского народа.

Важное место в информационном континууме олонхо принадлежит культурной памяти, которая представляет результат мифологизации и сакрализации прошлого, имеет коллективную природу и обеспечивает культурную идентичность коренного народа Якутии (Саха). Главной целью анализа является осмысление культурной памяти олонхо в трансязыковой и транскультурной перспективах, что способствует решению задач сохранения исторического опыта и воспоминаний якутов в текстах переводов и успешной межкультурной коммуникации. Методологической основой исследования стало понимание культурной памяти текста олонхо П. А. Ойунского как гиперединицы перевода, относительно которой принимается решение на перевод. Задачей перевода является воссоздание во вторичных текстах содержания эпического произведения, уникального культурного кода, а также помощь потенциальному читателю перевода в восприятии и понимании сложного культурного пространства олонхо. Особенности информации текста оригинала генерируют вариативность гипоединиц перевода и применение принципов *ad hoc* и *ad libitum* для их определения. Формальными носителями культурной информации и памяти и, соответственно, регулярными гипоединицами перевода являются культуронимы.

Освоение текста олонхо, являющегося сложным культурным смыслом, и продолжение его «жизни» посредством невербальной семиотики также определяют необходимость выделения единиц межсемиотического перевода. В музыке, танцах, кино и изобразительном искусстве как вторичных текстах вербального оригинала должна быть сохранена культурная память, что напрямую свидетельствует об универсальности данного вида культурной информации как единицы перевода эпической литературы.

Ключевые слова: эпос, эпический текст, олонхо, культурная информация, культурная память, «сильный» текст культуры, художественный перевод, единица перевода, межъязыковой перевод, межсемиотический перевод, культурная адаптация.

V. A. Razumovskaya

Olonkho cultural memory as unit of translation

Abstract. The article is devoted to the cultural information of P. A. Oyunsky olonkho “Nurgun Bootur the Swift” in the aspect of interlingual and intersemiotic types of translation (in Jakobsonian version). The epic work

РАЗУМОВСКАЯ Вероника Адольфовна – к. филол. н., доцент, проф. каф. делового иностранного языка Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия.

E-mail: veronica_raz@hotmail.com

РАЗУМОВСКАЯ Veronika Adolfovna – Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof., Prof. of Foreign Business Language Department of Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

E-mail: veronica_raz@hotmail.com

is a “strong” text of the Yakut culture, as evidenced by its popularity among the people of the original culture and language, the sustainable interest of scholars from various fields of humanities, its high educational and cultural potential and regular translatability by means of verbal and nonverbal semiotic systems. The close connection of the Oyunsky olonkho (classic example of following the ancient epic tradition) with the real life and the verity of the described events make the reconstructed piece of epic literature a reliable historical and ethnographic source of information about the culture and history of the Yakut people.

An important place in the information continuum of olonkho belongs to the cultural memory, which is the a result of mythologization and sacralization of the past, phenomenon of collective origin and ensures the cultural identity of the indigenous people of Yakutia (Sakha). The main goal of the analysis is to comprehend the cultural memory of olonkho in translingual and transcultural perspectives, which contributes to the task of preservation of the historical experience and memories of the Yakuts in the texts of translations and successful intercultural communication. The methodological basis of the research was the understanding of the cultural memory of Oyunsky’s olonkho text as hyperunit of translation, regarding which a decision for translation is made. The translation task is the recreation in secondary texts the content of an epic work, a unique cultural code, as well as assistance to a potential reader of translation in the perception and understanding of the olonkho complex cultural space. The peculiarities of the original text information generate the variability of the translation hypounits and the application of *ad hoc* and *ad libitum* principles for their determination. Culturonyms are considered the regular formal carries of cultural information and memory and, accordingly, hypounits of translation.

The comprehension of olonkho text, which is a complex cultural sense, and the continuation of its “life” through nonverbal semiotics, also influence on the necessity of determination the units of intersemiotics translation. The cultural memory must be preserved in music, dance, cinema and pictorial arts as secondary texts of the verbal original, which directly demonstrates the universality of this type of cultural information as a unit of translation of epic literature.

Keywords: epic, epic text, olonkho, cultural information, cultural memory, “strong” text of culture, literary translation, unit of translation, interlingual translation, intersemiotic translation, cultural adaptation.

Введение

Рассмотрение переводческой деятельности в контексте традиционно выделяемых видов перевода, а также информационных характеристик текстов оригиналов неизбежно приводит представителей различных школ и направлений переводоведения к необходимости поиска ответа на один из «вечных» вопросов – на вопрос о том, что в тексте оригинала подлежит обязательному переводу (является регулярной единицей перевода) [1]. Понятие единицы перевода и соответствующий термин, введенные в научный дискурс Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне 60 лет назад при рассмотрении процедуры анализа и лингвистических аспектов перевода [2], стали неотъемлемой частью современного переводоведения. Тем не менее, до настоящего времени указанное понятие не получило понимания и определения, которые могли бы удовлетворить большинство теоретиков и практиков перевода. Среди существующих подходов к установлению сущности рассматриваемой единицы представлены попытки выделения такой единицы по формальному принципу. Согласно взглядам канадских ученых, единица перевода представляет собой формальную единицу исходного текста, выделяемую относительно соответствующей формальной единицы переводного текста и переводимую как одно целое [3]. В рамках подхода Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне единицей перевода считается единица, соответствующая единице мысли. Формально-лингвистический подход позволяет выделить четыре основных типа единиц перевода: функциональный (соответствие устанавливается по одной грамматической функции); семантический (выражает одно лексическое значение); диалектический (выражает ход мысли) и просодический (выражает одну интонацию). Дальнейшее развитие переводоведческой мысли продемонстрировало устойчивость мнения о том, что единица перевода напрямую связана с единицей определенного уровня языка оригинала и соответствует единице аналогичного уровня в языке перевода. Так, Л. С. Бархударов считает, что в роли единицы перевода может выступать единица любого языкового уровня [4]. В. Н. Комиссаров, рассматривая понятие единицы перевода с позиции авторской теории уровней эквивалентности, также соотносит единицу перевода с определенным уровнем языка [5]. При этом важно отметить, что

В. Н. Комиссаров не ограничивается исключительно формальным подходом к выделению единиц перевода и отмечает, что такой единицей может быть и содержательная единица.

Формальный и содержательный принципы, связывающие единицу перевода с преимущественно одним (структурным или семантическим) уровнем языка, могут быть дополнены принципом дополнительности (по Н. Бору), объединяющим оба указанных принципа и позволяющим выделять гетерогенные и многоуровневые единицы перевода. В данном случае единица определяется с учетом информационных особенностей переводимого текста.

Художественный текст как гиперединица перевода

Качественно-количественные параметры единицы перевода, в первую очередь, определяются природой текста оригинала, относительно которого такая единица выделяется. Текстотрический подход к проблемам перевода [6, 7, 8] предполагает типологизацию оригинальных текстов и имеет очевидное сходство с аналогичным подходом в лингвистике, где языковые единицы описываются в перспективе целого текста. Проецируя идеи лингвистики на проблематику перевода, В. Н. Комиссаров обращает внимание на методологическую важность понимания текста как единицы перевода: «<...> текст является той единицей, в рамках которой решается вопрос о контекстуальном значении всех языковых средств. <...> при оценке значимости неизбежных потерь при переводе действует принцип преобладания целого над частью. <...> конечной целью переводчика является создание текста, который отвечал бы требованиям когезии и когерентности, и все решения переводчика принимаются с учетом этих требований» [9, с. 65]. Понимание текста как единицы перевода нашло действенное применение в теории и практике перевода и, прежде всего, перевода художественного [10]. Текст, рассматриваемый как единица перевода, служит операционным понятием, позволяющим описать перевод как когнитивный процесс [11] и создать когнитивно-эвристическую модель перевода [12]. Т. к. текст является сложным структурно-семантическим образованием, то методологически следует определить текст (прежде всего, текст художественный) как предельную гетерогенную единицу перевода, конституируемую в каждом конкретном случае набором единиц, выделяемых на различных языковых уровнях и (что характерно для поэзии) на уровне целого художественного произведения.

Принципы выделения единиц художественного перевода диктуются особенностями информации художественных текстов, принадлежащих к основным родам художественной литературы – эпосу, лирике и драме. В поисках видов единиц художественного перевода следует опираться на следующую аксиому: художественный текст является формально-содержательным информационным единством, ориентированным, прежде всего, на выполнение эстетической функции. Определяя художественный текст как сложно построенный смысл, Ю. М. Лотман связывает понятия формы и содержания в единый информационный комплекс, заменяя дуализм формы и содержания на понятие идеи. Именно понятие идеи и, прежде всего, идеи художественной (эстетической) лежит в основе вариативности единицы художественного перевода. «Идея не содержится в каких-либо, даже удачно подобранных цитатах, а выражается во всей художественной структуре. Исследователь, не понимающий этого и ищущий идею в отдельных цитатах, похож на человека, который, узнав, что дом имеет свой план, начал бы ломать стены в поисках места, где этот план замурован. План не замурован в стену, а реализован в пропорциях здания. План – идея архитектора, структура здания – ее реализация. Идеиное содержание произведения – структура. Идея в искусстве – всегда модель, ибо она воссоздает образ действительности. Следовательно, вне структуры художественная идея немислима. Дуализм формы и содержания должен быть заменен понятием идеи, реализующей себя в адекватной структуре и не существующей вне этой структуры» [13, с. 24]. Действенное использование понятия эстетической идеи для выделения единицы перевода способствует расширению категориальной парадигмы художественного переводоведения за счет выделения таких неоединиц как семантическая ситуация [14] и художественный образ [15].

Все части художественного текста, его взаимосвязанные формальные и содержательные параметры (и весь текст как формально-содержательное единство), прежде всего, служат цели выполнения эстетической функции. Каждый художественный текст имеет собственный внутренний мир (по Д. С. Лихачеву). Уникальным внутренним миром, бесспорно, обладают эпические произведения, в которых наряду с эстетической информацией широко представлены

культурная информация и память, наличие которых обусловлено тем, что эпические тексты представляют собой героические повествования о прошлом. Неэпические художественные произведения также не лишены культурной составляющей, но в случае эпических текстов можно с уверенностью утверждать, что эстетика таких текстов неразрывно связана с культурной информацией и памятью, образуя в эпической традиции уникальное эстетико-культурное информационное единство.

Олонхо: «сильный» текст культуры

Каждый национальный эпос является неотъемлемой частью духовно-художественной культуры народа-автора. К разряду наиболее масштабных и известных эпосов народов современной России, бесспорно, относятся «Калевала», «Джангар», «Урал-батыр», «Гэсэр». Важнейшее место среди эпических традиций России принадлежит героическому эпосу якутов – олонхо. Уникальность олонхо неоднократно отмечалась в специальных исследованиях [16]. Древнейший якутский эпос справедливо занимает одно из ведущих мест и в иерархии эпических произведений народов мира, считающихся мировым культурным достоянием («Илиада», «Беовульф», «Манас»). О высоком культурном статусе эпического искусства якутов свидетельствует тот факт, что олонхо нередко определяют как «якутскую Одиссею» или «северную Илиаду». В 2005 г. древнейшая эпическая традиция олонхо было признана ЮНЕСКО одним из Шедевров устного и нематериального наследия человечества.

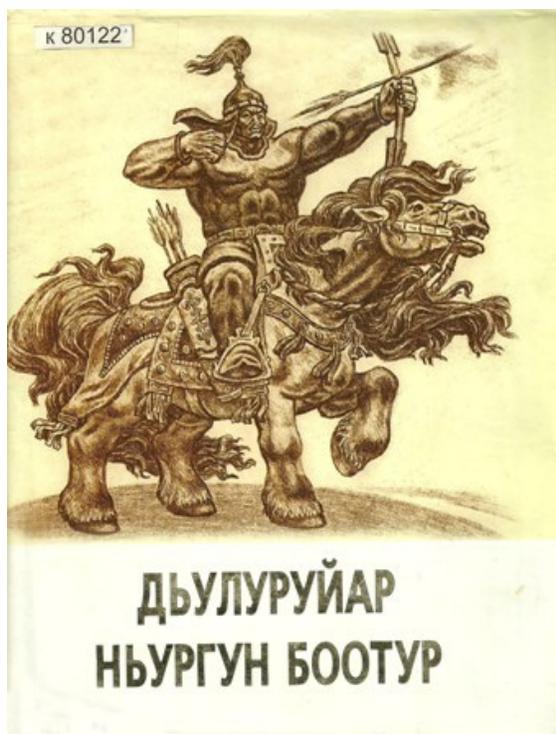

Рис. 1. Издание олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», 2003 г.

Эпические тексты традиционно являются хранилищами культурной информации народов мира. Важное место в континууме культурной информации принадлежит культурной памяти. Определяя культурную память как форму коллективной памяти, немецкий культуролог Я. Ассман трактует данное явление через понятие «помнящей культуры» (сравните «память культуры и культура памяти» у Ю. М. Лотмана), понимаемой исследователем как коллективная, групповая память, порождающая групповую, коллективную идентичность и имеющая выраженный надындивидуальный характер [17].

В олонхо широко представлены история, этногенез, мифология, быт, обычаи, ритуалы, религия и традиционные верования полумиллионного тюркоязычного народа современной

Сибири. Тексты олонхо содержат уникальный культурный код, позволяющий надежно хранить, а также транслировать в другие культуры культурную информацию и память якутов. «Для древнего человека Олонхо было универсальной информационной системой, вобравшей в себя все накопленные человечеством знания. Причем последние хранились в тексте в многократно перекодированном виде, в результате чего Олонхо предстает перед нами в качестве наивной (донаучной) картины мира ...» [18, с. 215]. Уникальность традиции олонхо заключается и в том, что ее тысячелетняя история и стабильная популярность, определяемая высокой культурной значимостью, до наших дней сохранила у якутского народа способность декодирования информации текстов эпоса. Повторяемость сюжетов и образов героев во всем информационном пространстве олонхо позволяет современным читателям понимать сложный смысл эпоса. Обращение к якутским сказаниям в исторической перспективе позволило ученым прийти к важному выводу о том, что якуты фиксировали в своем эпосе исторические события с точностью, превосходящей точность письменных памятников. Исследователи якутской истории и культуры считают, что в устных преданиях народная память хранит ценнейшие сведения о реальных исторических событиях, и, следовательно, путем тщательного сопоставительного анализа записей устных преданий можно восстановить историю якутского народа [19]. Ярким примером исторической надежности олонхо служит тот факт, что якутский филолог и писатель П. А. Ойунский обращался к текстам олонхо и, прежде всего, к топонимам для изучения дорусского времени в истории якутского народа, что в итоге позволило ему сделать вывод о вероятной прародине якутов [20]. Исследователи научного наследия П. А. Ойунского отмечают: «В отличие от предшественников П. А. Ойунский подходил к олонхо не только как к памятнику устно-поэтического творчества, но и как к ценному историческому источнику, отражающего историю жизни народа, его материальную и духовную культуру в далеком прошлом» [21]. Первый ученый-олонхвед считал, что через олонхо сохранялась и традиционно передавалась информация не только о мировоззрении якутов, но и устная история народа и представления об окружающем мире, о быте, обычаях, обрядах, веровании народа [22]. «П. А. Ойунский еще в 20-х гг. близко подошел к современному пониманию значения героического эпоса как своеобразного по характеру, замечательного по богатству историко-этнографического источника и уловил направление задач изучения олонхо и практического использования его материала в научных исследованиях» [23]. «Олонхо отражает наиболее древний пласт патриархально-родовых отношений, то есть “эпическое время” исторической жизни якутов» [18, с. 204]. Таким образом, тексты олонхо представляют собой воспоминания якутов о своей истории в форме идеализированной ретроспективной рефлексии и служат надежным хранилищем культурной информации и памяти народа.

Беря начало в глубокой древности, информационное пространство олонхо имеет синхронное и диахронное измерения и формируется многочисленными текстами, созданными за многовековое существование древнейшего эпического искусства якутов (в 2000 г. отмечалось 1250 лет возникновения эпоса олонхо). Отличительной чертой олонхо является эстетическая многоплановость, обусловленная нерасчлененностью поэзии и музыки, которая соответствует синкретической форме культуры, возникшей на стыке мифологического и реального восприятия мира [24]. Одни из главных функций текстов олонхо – оказание эстетического воздействия на слушателей (а намного позднее и читателей) и, бесспорно, передача культурной памяти народа Якутии из поколения в поколение. Возникнув и просуществовав большую часть своей многовековой истории в устной форме, олонхо приобрело письменную форму менее двухсот лет назад. Так, создание якутской письменности и целенаправленная деятельность филологов, этнографов и культурологов сделали возможным фиксирование текстов олонхо в письменной форме, что произошло только на рубеже XIX–XX вв. Первый прецедент создания письменного полнотекстового олонхо связан с именем П. А. Ойунского – профессионального олонхосута, ставшего известным эпосоведом и писателем. Крайне важно, что П. А. Ойунский был не только знатоком, но и носителем якутского фольклора.

Высокая политекстуальность олонхо традиционно сопровождается взаимопроникаемостью отдельных сказаний, регулярной повторяемостью тем и сюжетов, сходством композиционной структуры, а также общностью героев (богатырь, красавица, кузнец, божество, демон) и сходством их характеристик. Одним из наиболее известных и популярных памятников

эпического творчества якутов считается олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» («Нюргун Боотур Стремительный»), одна из версий которого была воссоздана и записана П. А. Ойунским в 20-30-е гг. XX в. Данное сказание можно с полной уверенностью рассматривать как «сильный» текст олонхо, поскольку он обладает всеми основными характеристиками «сильного» художественного текста культуры: известностью и популярностью у большинства носителей языка, вхождением в образовательный канон различных уровней, а также переводимостью на «языки» других семиотических систем [25]. О популярности указанного сказания свидетельствует тот факт, что оно традиционно определяется как «энциклопедия народа саха» и является символом самоидентификации народа саха [26]. Наряду с другими сказаниями якутов текст олонхо П. А. Ойунского был включен в образовательные программы учебных заведений дисциплин в рамках Государственной целевой программы по сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса олонхо на 2007-2015 гг. В 2014 г. период с 2016 по 2025 гг. был объявлен указом Главы республики Вторым десятилетием олонхо в Республике Саха (Якутия).

«Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского как объект перевода

Появление письменных текстов, высокая культурная значимость и, соответственно, эстетическая ценность сказаний, а также весь культурно-исторический контекст бытования информационного пространства олонхо обеспечили вовлечение текстов якутского эпоса в активный переводческий процесс, в рамках которого языками перевода стал, прежде всего, русский язык, а в дальнейшем и многие языки народов мира [27].

Первые записи эпических текстов и переводы некоторых олонхо на русский язык были выполнены этнографами во время научных экспедиций в Якутии в XIX в. (А. Ф. Миддендорф, Р. К. Маак, Н. С. Горохов, И. А. Худяков, С. В. Ястремский). Создание русскоязычных текстов олонхо заложило надежную основу успешного диалога якутской и русской культур в Республике Саха (Якутия). Тот факт, что перевод произведений якутского народного творчества является одним из пяти основных направлений переводческой деятельности в Якутии [28], свидетельствует о значении перевода эпических текстов для исследования и продвижения якутской культуры в России и за ее пределами.

Одним из популярных объектов перевода является и текст олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный». Первый полнотекстовый перевод записи олонхо П. А. Ойунского на русский язык был выполнен В. В. Державиным – переводчиком известных национальных эпосов народов СССР, и опубликован в Якутском книжном издательстве в 1975 г. На Московской международной книжной ярмарке издание русского перевода олонхо было отмечено специальным дипломом «Книга-1975». Переводчик был удостоен Государственной премии Республики Саха (Якутия) имени П. А. Ойунского. Текст П. А. Ойунского был выбран для перевода как наиболее полный и традиционный вариант олонхо [29]. В издание перевода В. В. Державина были использованы иллюстрации Э. С. Сивцева, В. С. Карамзина и И. Д. Корякина. Известный эпосовед И. В. Пухов отмечал, что В. В. Державин «верно и художественно оправданно передает дух и образную систему олонхо, его сюжетов. Сохраняя стиль подлинника, он воссоздает параллельную систему, тонирующую поэтическую систему олонхо» [30, с. 422].

В 2012 г. Е. С. Сидоров предложил новую версию перевода текста сказания на русский язык, снабдив перевод научными комментариями. «Нужен был гений П. А. Ойунского, чтобы оставить якутскому народу такое творение духа, как олонхо “Нюргун Боотур Стремительный”. Потребовались знания и талант Е. С. Сидорова, чтобы сделать такой полный, равноценный подлиннику перевод этого олонхо. В переводе Е. С. Сидорова олонхо предстает во всей своей древней мудрости и красе» [31]. Научное значение перевода Е. С. Сидорова получило высокую оценку: «Его труд, прежде всего, может служить основой для продвижения олонхо в широкую научную сферу, давая возможность сравнительного и типологического анализов для якутских исследователей с эпосами других народов, а для ученых других народов, в частности тюрко-монголоязычных, наоборот, своего эпоса с нашим олонхо» [21]. Своей переводческой миссией Е. С. Сидоров считал передачу основного содержания олонхо в максимальном объеме, а также помощь в восприятии русскоязычным читателем сложного художественного и языкового строя инокультурного эпического текста.

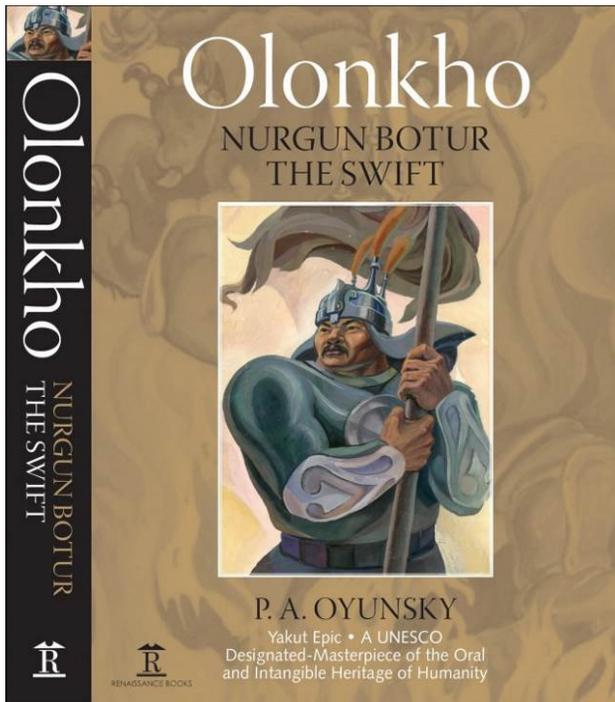

Рис. 2. Издание олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» в переводе на английский язык, 2014 г.

Первый перевод олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» в версии П. А. Ойунского на английский язык был опосредованным и подстрочным переводом с русского перевода В. В. Державина. Перевод был приурочен к юбилею П. А. Ойунского и его осуществляли три группы переводчиков в 1992-1995 гг. Первая песнь была переведена А. А. Скрыбиной (1993) и Р. Ю. Скрыбыкиным (1995).

Издание первого полноценного перевода олонхо на английский язык было осуществлено уже в XXI в. и содержит 600 страниц текста. Группа якутских и зарубежных переводчиков и редакторов под руководством А. А. Находкиной перевела сказание на английский язык, что способствовало вхождению якутского эпоса в мировое эпическое пространство. Перевод 36-тысячестрочного оригинала занял десять лет и был издан в Лондоне в 2014 г. издательством Renaissance Books («Nurgun Botur the Swift»). Особая ценность дан-

ного перевода видится в том, что он выполнен непосредственно с языка оригинала.

Текст П. А. Ойунского представлен в мировом культурном пространстве и в переводах на другие иностранные языки. Так, перевод В. В. Державина на русский язык лег в основу перевода олонхо на словацкий язык (переводчик М. Крно). Данный перевод был опубликован в 1984 г. с иллюстрациями Мирослава Кипара. Известен проект перевода олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» на киргизский язык – язык великого эпоса «Манас». Киргизский перевод также выполнен с русского перевода В. В. Державина и был опубликован в 2014 г. Существует перевод олонхо П. А. Ойунского на эвенский язык, выполненный эвенским поэтом, нимкаланом Д. В. Кривошапкиным и опубликованный издательством «Бичик» по частям в 1996, 2000, 2003 гг. Примечательно, что перевод якутского олонхо на эвенский язык имел огромное значение не только для продления «жизни» эпического произведения средствами другой вербальной семиотической системы, но и для наглядной демонстрации изобразительного потенциала языка и культуры перевода. Известен перевод-адаптация олонхо П. А. Ойунского на французский язык. Франкоязычная версия была создана для детей переводчиками Ж. Я. Карро и Л. М. Сабарайкиной.

Перевод эпического текста представляет большие трудности в плане сохранения во

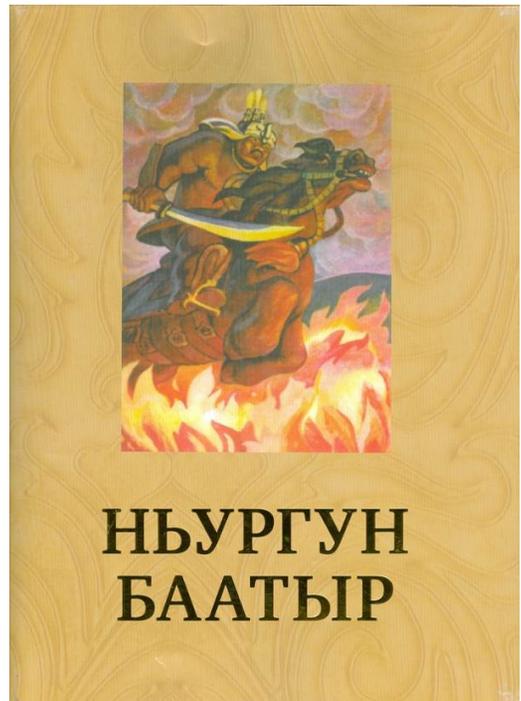

Рис. 3. Издание олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» в переводе на киргизский язык, 2014 г.

вторичных текстах культурной информации и памяти, передаваемых в оригинале системой культуронимов (по В. В. Кабакчи), отражающих реалии, символы и обычаи народа-автора. В данном случае можно определить культурную информацию и память и соответствующие культуронимы как единицы перевода, относительно которых переводчик принимает решение на перевод. Язык текстов олонхо представляет собой сложную эстетическую и культурную систему, построенную на тесном взаимопроникновении и взаимообусловленности лексико-семантического своеобразия эпического языка, культурной информации и памяти, а также всего комплекса художественно-образительных средств эпического дискурса. Система художественно-образительных средств якутского эпоса построена на таких фундаментальных закономерностях этнического языка как сингармонизм и агглютинация, семантическая широта поэтических слов, переосмысление коннотативных возможностей художественного слова [32].

Иноязычные переводы олонхо П. А. Ойунского неоднократно становились объектами специальных исследований, в рамках которых анализируются различные культуронимы и, прежде всего, имена собственные [33, 34, 35]. Накопленный опыт перевода олонхо дает возможность якутским практикам и теоретикам перевода определить используемый им вид перевода как перевод семантический, который в значительной мере приближается к филологическому переводу [36]. Семантический перевод ориентирован на текст оригинала и, как правило, применяется при переводе литературных памятников и текстов высокой художественной ценности для академических изданий [37]. Такой перевод позволяет наиболее полно и точно сохранить национальное своеобразие якутского эпоса во вторичных текстах [38, 39]. С помощью семантического перевода создаются и редактируются современные переводы олонхо, что позволяет сохранить культурную информацию и память оригинала и рассматривать тексты перевода олонхо как надежный источник культурологической информации.

В указанных типах переводов наблюдаются две основные стратегии, два подхода к выбору переводческих решений с различными вариациями для достижения адекватности перевода. Необходимо, однако, отметить, что в целях пропаганды олонхо используется и адаптивный перевод, а также культурная интерпретация, нередко сопровождаемая созданием параллельного визуального текста. Так, креолизованный политекст комиксов отражает информационный комплекс оригинального якутского текста во всем его многообразии, что способствует популяризации и повышению престижа якутского языка и литературы. Наиболее известные сказания олонхо, переведенные на языки мира, стали достоянием мировой культуры и оказались доступны представителям «чужих» культур. Выход национальной литературы за пределы «своей» языковой и культурной среды посредством перевода способствует культурному взаимодействию и взаимовлиянию, что обеспечивает глобальное культурное разнообразие современного мира [40]. Материалы перевода олонхо могут быть использованы и для развития общей теории художественного перевода при исследовании таких «вечных» теоретических вопросов как переводимость и непереводимость, природа единицы перевода, стратегии передач культурной информации в переводе.

Сохранение культурного потенциала олонхо в переводе достигается решением отдельных задач (задач *ad hoc* и *ad libitum*) по воссозданию во вторичных текстах культурной информации и памяти, являющихся гиперединицами перевода и формально представленных в культуронимах оригинала (гипоединицах перевода). Каждая конкретная задача предполагает использование эффективной стратегии перевода или сочетания нескольких стратегий, что может обеспечить решение переводческих проблем и достичь адекватности перевода [41].

«Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского в межсемиотической перспективе

Особого внимания заслуживает историография переводов сказания «Нюргун Боотур Стремительный» на «языки» различных семиотических систем: мономедийных невербальных или полимедийных. Описывая многомерное невербальное пространство культуры, исследователи межсемиотического перевода неизбежно сталкиваются с проблемами, традиционными и для предметной области межязыкового перевода. И, прежде всего, с проблемами определения единицы межсемиотического перевода оригинального вербального текста и предела его переводимости. Так, в 1954 г. сказание было исполнено на языке оригинала заслуженным артистом Якутской АССР Г. Г. Колесовым. В 1968 г. на всесоюзной фирме «Мелодия» в Ленинграде был

записан комплект из 9 пластинок (длительность звучания – 8 часов) олонхо П. А. Ойунского. Г. Г. Колесов исполнил речевые и поющиеся разделы эпического сказания. Таким образом, сказание было «возвращено» в свою первоначальную устную форму. Пластинки сопровождалась вкладками с текстами аннотаций, научными комментариями (И. В. Пухова) и иллюстрациями (художника В. Р. Васильева).

Устойчивость сюжетов и образов героев олонхо нашли отражение и в современном изобразительном искусстве. «Перевод» олонхо на язык живописи и графики используется для иллюстрации книжных изданий, а также в качестве самостоятельного видеоряда (живописных серий). Большой популярностью пользуется творческое наследие Т. А. Степанова, создавшего цикл крупномасштабных полотен на темы якутского эпоса. Т. А. Степанова по полному праву называют «олонхосутом в живописи». И хотя художник в своем творчестве опирался на всю эпическую традицию, его полотна можно в полной мере считать и «переводом» олонхо П. А. Ойунского на «язык» живописи. Многие герои эпического произведения обнаруживают изобразительную «политекстуальность». Так, образ красавицы Туйаарыма Куо визуализируется в работах И. Д. Корякина, В. С. Карамзина, Ю. И. Вотякова. Важнейшее значение изображения героев олонхо имеют для ознакомления детей различных возрастных групп с героями эпоса.

В определенном смысле вторичным текстом является драма «Туйаарыма Куо», написанная П. А. Ойунским в 1930 г. по мотивам олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» и поставленная на сцене Якутского государственного национального театра в 1937 г. Героиней драмы стала Туйаарыма Куо, образ которой представлен и в сказании «Нюргун Боотур Стремительный» и является символом женской красоты и женственности у якутов. Имя героини послужило названием драмы, обладающей долголетием. Так, в 2015 г. китайская версия «Туйаарыма Куо» была представлена зрителям в национальной опере Кюньцзюй в Пекине [42].

Другим примером вторичного текста оригинала П. А. Ойунского является прозаическая версия Е. В. Слепцовой – Куорсуннаах, опубликованная в 2007 г. Данная версия на якутском языке состоит из 201 рассказа и 60 иллюстраций художника И. Ю. Пестрякова.

По мотивам олонхо П. А. Ойунского создан мультфильм, озвученный на английском и немецком языках. По сюжету олонхо П. А. Ойунского в Якутии создан и первый кукольный мультфильм «Светлоликая Туйаарыма Куо» («Туналбаннаах ньуурдаах Туйаарыма Куо»). Большой популярностью пользуются скульптурные миниатюры (из дерева и кости), созданные по сюжету олонхо. Так, сюжет олонхо П. А. Ойунского представлен произведениями из дерева народного мастера РС (Я) В. И. Спиридонова.

Вторичные невербальные мономедийные и полимедийные тексты продолжают «жизнь» вербального оригинала в многомерном культурном пространстве мира. В данном случае успешность вторичных текстов также зависит от точности воссоздания в них культурной памяти, являющейся гиперединицей перевода и представленной в оригинале культуронимами [43, 44]. Межсемиотический перевод увеличивает переводимость «сильного» текста культуры и наряду с межъязыковым переводом способствует вовлечению текстов эпического наследия Якутии в интенсивный процесс межкультурного взаимодействия и взаимовлияния.

Заключение

Тексты олонхо как исторические воспоминания якутов о своей истории в форме идеализированной ретроспективной рефлексии служат надежным хранилищем культурной информации и памяти народа и могут быть определены как «сильные» тексты якутской культуры. В перспективе межъязыкового и межсемиотического перевода культурная память эпоса, представляющая гетерогенное информационное пространство, является универсальной операционной единицей перевода, относительно которой принимается решение на перевод. Как сложный культурный смысл, на основе которого генерируется эстетическая информация, культурная память определяется как гиперединица перевода, конституированная в каждом конкретном случае набором гипоединиц, служащих формальным представлением культурной памяти в эпическом тексте. Регулярными гипоединицами перевода, выделяемыми относительно вербального текста оригинала, выступают культуронимы – единицы, закрепленные за элементами культур.

Литература

1. Razumovskaya V. A. Still in search of a unit of translation: semantic situation // Meta. Résumés du colloque 60e anniversaire de Meta: “Les horizons de la traduction: retour vers le futur”. Vol. 60. 2015, № 2. – p. 367. (на англ. яз.)
2. Vinay J. P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l’anglais. Méthode de traduction. – Paris: Didier Montréal; Beauchemin, 1958. – 331 p. (на франц. яз.)
3. Латышев Л. К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения). – М.: Международные отношения, 1981. – 284 с.
4. Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
5. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. – М.: Международные отношения, 1973. – 215 с.
6. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. – СПб.: Академия, 2004. – 352 с.
7. Гарбовский Н. К. Теория перевода. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 544 с.
8. Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. – М.: АСТ, 2006. – 448 с.
9. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М.: Изд-во ЭТС, 2001. – 424 с.
10. Солодуб Ю. П. и др. Теория и практика художественного перевода. – М.: Академия, 2005. – 304 с.
11. Бродович О. И. Единица перевода: Онтология? Эвристика? // Материалы XXIX Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 8: Актуальные проблемы теории и практики перевода. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 11-23.
12. Минченков А. Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка): дисс. ... д. филол. н. – СПб., 2008. – 319 с.
13. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. – СПб.: Искусство, 1998. – С. 14-285.
14. Разумовская В. А. Семантическая ситуация как единица художественного перевода // Вестник Московского городского педагогического университета. 2013, № 1 (11). – С. 72-80.
15. Разумовская В. А. Семантика художественного образа в оригинале и переводе: кот Бегемот // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва-Магнитогорск-Новосибирск: Российская академия наук, Магнитогорский госуниверситет. 2012, № 3. – С. 268-278.
16. Иванов В. Н. Олонхо – уникальное явление в мировой эпической культуре. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014. – 158 с.
17. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. – München: C. H. Beck, 1992. – 333 s. (на немец. яз.)
18. Бурцев А. А. Якутские олонхо в контексте эпических памятников народов мира // IDİL. 2013, № 8. Т. 2. – С. 201-216.
19. Ксенофонтов Г. В. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
20. Антонов Е. П. Исторические исследования П. А. Ойунского // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2013, № 2 (7). – С. 34-38.
21. Илларионов В. В., Оросина Н. А. П. А. Ойунский и якутская фольклористика // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2013, № 2 (7). – С. 15-22.
22. Сидоров О. Г. П. А. Ойунский: олонхо как отражение древней истории народа саха // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2017, № 4 (08). – С. 98-107. doi 10.25587/SVFU.2017.4.8700.
23. Константинов И. В. Олонхо как историко-этнографический источник // Основоположник якутской советской литературы: сб. ст. к 80-летию со дня рождения П. А. Ойунского. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1974. – С. 215-220.
24. Илларионов В. В. Олонхо – эпическое наследие народа саха. – Новосибирск: Наука, 2016. – 334 с.
25. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. – Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2009. – 228 с.
26. Сидоров О. Г. «Мной оставленные песни в столетиях сохранит народ...». О Платоне Ойунском // Сибирские огни. 2018, № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sibogni.ru/content/mnoy-ostavlennye-pesni-v-stoletyah-sohranit-narod> (дата обращения: 07.06.2018).

27. Nikolaeva N. A. The history of translation of the Yakut heroic epic olonkho into world's languages // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. – 2016, № 3 (03). – С. 85-90. doi 10.25587/SVFU.2016.3.10870 (на англ. яз.)
28. Ефремова Н. А., Варламова А.-С. В., Рожина И. В., Феоктистов С. П. Этапы развития переводческой деятельности в Республике Саха (Якутия) и ее современное состояние (на материале фольклорных текстов, переводной художественной литературы в контексте исторического освещения) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018, № 2 (80). – С. 312-317.
29. Слепцова Е. В. Мы родом из олонхо // Литературная газета. 2007, № 49 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lgz.ru/article/N49--6149---2007-12-05-/M%D1%8B-rodod-iz-olonho2489/> (дата обращения: 07.06.2018).
30. Пухов И. В. Олонхо – древний эпос якутов // Нюргун Боотур Стремительный. Якутский героический эпос олонхо. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1975. – С. 411-422.
31. Илларионов В. В., Уткин К. Д. Новый перевод героического эпоса саха // Полярная звезда. 2011, № 6. – С. 27-29.
32. Роббек Л. В. Функционально-семантические особенности языка олонхо: дисс. ... к. филол. н. – М., 2009. – 179 с.
33. Васильева А. А. Стратегии создания эпического мира олонхо средствами русского языка // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2017, № 2 (06). – С. 46-57. doi 10.25587/SVFU.2017.6.10662.
34. Винокуров В. В. Переводы якутского олонхо на различные языки мира // Эпическое наследие Евразии: Диалог культур и поколений. – СПб.: Астерион, 2008. – С. 84-90.
35. Тарасова З. Е. Фонологические аспекты перевода якутских имен собственных на английский язык (на материале якутского эпоса «Нюргун Боотур Стремительный») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Ч. 1. 2013, № 6 (24). – С. 202-205.
36. Гончаренко С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика. Вып. 24. – М.: Изд-во МГЛУ, 1999. – С. 107-122.
37. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English-Russian. – СПб.: Союз, 2001. – 320 с.
38. Находкина А. А. О современном состоянии переводческой деятельности в Республике Саха (Якутия) // Актуальные проблемы перевода в свете языковой политики: сб. науч. трудов. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2006. – С. 37-45.
39. Петрова Т. И. Типология перевода якутского эпоса олонхо на русский язык. – Якутск: ИПК СВФУ, 2010. – 134 с.
40. Хайруллин В. И. Лингвокультурные и когнитивные аспекты перевода: дисс. ... д. филол. н. – М., 1995. – 354 с.
41. Dyachkovskaya V. G. Translation Strategies in the Yakut Heroic Epic Olonkho: Lexical Problems (on the Nurgun Botur the Swift epic) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Vol. 10. 2016, № 9. – pp. 2398-2405. (на англ. яз.)
42. Винокуров В. В. Якутский героический эпос-олонхо на театральной сцене // Гуманитарные научные исследования. 2015, № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/12/13578> (дата обращения: 07.06.2018).
43. Razumovskaya V. A. Cultural Information/Memory and Aesthetic Information in Literary Translation // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Vol. 6. 2012, № 5. – pp. 839-852. (на англ. яз.)
44. Razumovskaya V. A. Translating Aboriginal Siberian and Circumpolar Cultures in Russia // Translators, Interpreters, and Cultural Negotiators Mediating and Communicating Power from the Middle Ages to the Modern Era / F. M. Federici & D. Tessicini (Eds.) – London: PALGRAVE, 2014. – pp. 190-212. (на англ. яз.)

References

1. Razumovskaya V. A. Still in search of a unit of translation: semantic situation. In: Meta. Résumés du colloque 60e anniversaire de meta: “Les horizons de la traduction: retour vers le futur”. Vol. 60, 2015, No. 2, p. 367. (In Eng. lang.)

2. Vinay J. P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction*. Paris, Didier Montréal; Beauchemin, 1958, 331 p. (In French lang.)
3. Latyshev L. K. *Kurs perevoda (jektivnoost' perevoda i sposoby ee dostizheniya)* [The course of translation (translation equivalence and the means of its achievement)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1981, 284 p.
4. Barhudarov L. S. *Yazyk i perevod* [Language and translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975, 240 p.
5. Komissarov V. N. *Slovo o perevode* [The word about translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1973, 215 p.
6. Alekseeva I. S. *Vvedenie v perevodovedenie* [Introduction into translation studies]. Saint Petersburg, Akademiya, 2004, 352 p.
7. Garbovskij N. K. *Teoriya perevoda* [Theory of translation]. Moscow, Izd-vo MGU, 2004, 544 p.
8. Sdobnikov V. V., Petrova O. V. *Teoriya perevoda* [Theory of translation]. Moscow, AST, 2006, 448 p.
9. Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation studies]. Moscow, Izd-vo ETS, 2001, 424 p.
10. Solodub Yu. P. *Teoriya i praktika hudozhestvennogo perevoda* [Theory and practice of literary translation]. Moscow, Akademiya, 2005, 304 p.
11. Brodovich O. I. *Edinica perevoda: Ontologiya? Jevristika?* [The unit of translation: Ontology? Heuristic?]. In: *Materialy 29 Mezhdvuzovskoj nauchno-metodicheskoy konferencii prepodavatelej i aspirantov. Vyp. 8: Aktual'nye problemy teorii i praktiki perevoda* [The materials of 29th scientific-methodological conference of teachers and students. Iss. 8: Actual problems of the theory and practice of translation]. Saint Petersburg, 2000, pp. 11-23.
12. Minchenkov A. G. *Kognitivno-jevristscheskaya model' perevoda (na materiale anglijskogo yazyka)* [Cognitive-heuristic translation model (on the material of the English language)]. *Diss. ... d. filol. n.* Saint Petersburg, 2008, 319 p.
13. Lotman Yu. M. *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The structure of literary text]. In: *Ob iskusstve* [About art]. Saint Petersburg, Iskusstvo, 1998, pp.14-285.
14. Razumovskaya V. A. *Semanticheskaya situaciya kak edinica hudozhestvennogo perevoda* [Semantic situation as a unit of translation]. In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta* [Moscow City University Bulletin]. 2013, No. 1 (11), pp. 72-80.
15. Razumovskaya V. A. *Semantika hudozhestvennogo obraza v originale i perevode: kot Begemot* [Semantics of literary image in original and translation: the cat Behemoth]. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [The problems of history, philology, culture]. Moscow, Magnitogorsk, Novosibirsk, Rossijskaya akademiya nauk, Magnitogorskij gosuniversitet, 2012, No. 3, pp. 268-278.
16. Ivanov V. N. *Olonho – unikal'noe yavlenie v mirovoj jepicheskoj kul'ture* [Olonkho – unique phenomenon in the world epic culture]. Yakutsk, Izdatel'skij dom SVFU, 2014, 158 p.
17. Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München, C. H. Beck, 1992, 333 s. (In German lang.)
18. Burcev A. A. *Jakutskie olonho v kontekste jepicheskikh pamyatnikov narodov mira* [Yakut olonkho in the context of the epic monuments of the world peoples]. In: *ĪDĪL*. 2013, No. 8, vol. 2, pp. 201-216.
19. Ksenofontov G. V. *Materialy po mifologii i legendarnoj istorii jakutov* [The materials on mythology and legendary history of the Yakut people]. Moscow, Nauka, 1977, 246 p.
20. Antonov E. P. *Istoricheskie issledovaniya P. A. Ojunsckogo* [Historical researches of P. A. Oyunsky]. In: *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern Humanitarian Bulletin]. 2013, No. 2 (7), pp. 34-38.
21. Illarionov V. V., Orosina N. A. *P. A. Ojunsckij i jakutskaya fol'kloristika* [Oyunsky and Yakut folklore studies]. In: *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern Humanitarian Bulletin]. 2013, No. 2 (7), pp. 15-22.
22. Sidorov O. G. *P. A. Ojunsckij: olonho kak otrazhenie drevnej istorii naroda saha* [Olonkho as the reflection of the ancient history of the Sakha people]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Seriya Eposovedenie* [Vestnik of North-Eastern Federal university: Series Epic Studies]. 2017, No. 4 (08), pp. 98-107. doi 10.25587/SVFU.2017.4.8700.

23. Konstantinov I. V. *Olonkho kak istoriko-ethnograficheskij istochnik* [Olonkho as historical-ethnographic source]. In: *Osnovopolozhnik jakutskoj sovetskoj literatury: sb. st. k 80-letiyu so dnya rozhdeniya P. A. Ojunskogo* [The founder of the Yakut Soviet literature: collection of articles devoted to the 80th anniversary of P. A. Oyunsky]. Yakutsk, 1974, pp. 215-220.
24. Illarionov V. V. *Olonkho – jepicheskoe nasledie naroda saha* [Olonkho – epic legacy of Sakha people]. Novosibirsk, Nauka, 2016, 334 p.
25. Kuz'mina N. A. *Intertekst: tema s variacijami. Fenomeny kul'tury i yazyka v intertekstual'noj interpretacii* [Intertext: the theme with variations. The phenomena of culture and language in intertextual interpretation]. Omsk, Izd-vo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009, 228 p.
26. Sidorov O. G. “*Mnoj ostavlennye pesni v stolet'jah sohranit narod...*”. *O Platone Ojunskom* [“The people will safe my songs in centuries ...”. About Platon Oyunsky]. In: *Sibirskie ogni* [Siberian Lights]. 2018, № 4 [Web resource]. URL: <http://www.sibogni.ru/content/mnoy-ostavlennye-pesni-v-stoletyah-sohranit-narod> (accessed June 7, 2018).
27. Nikolaeva N. A. The history of translation of the Yakut heroic epic olonkho into world's languages. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Seriya Eposovedenie* [Vestnik of North-Eastern Federal university: Series Epic Studies]. 2016, No. 3 (03), pp. 85-90. doi 10.25587/SVFU.2016.3.10870 (In Eng. lang.)
28. Efremova N. A., Varlamova A.-S. V., Rozhina I. V., Feoktistov S. P. *Jetapy razvitiya perevodcheskoj deyatel'nosti v respublike Saha (Jakutiya) i ee sovremennoe sostoyanie (na materiale fol'klornyh tekstov, perevodnoj hudozhestvennoj literatury v kontekste istoricheskogo osveshcheniya)* [The stages of the development of the translation activity in the Sakha (Yakutia) Republic and its current condition (on the material of folklore texts, translated fiction in the context of historical observation)]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological sciences. The issues of theory and practice]. 2018, No. 2 (80), pp. 312-317.
29. Slepčova E. V. *My rodom iz olonkho* [We are from olonkho]. In: *Literaturnaya gazeta* [Literary Newspaper]. 2007, No. 49 [Web resource]. URL: <http://www.lgz.ru/article/N49--6149---2007-12-05-/M%D1%8B-rodod-iz-olonho2489/> (accessed June 7, 2018).
30. Puhov I. V. *Olonkho – drevnij ehpos jakutov* [Olonkho – ancient epos of the Yakuts]. In: *Nyurgun Bootur Stremitel'nyj. Jakutskij geroicheskij epos olonkho* [Nurgun Bootur the Swift. Yakut heroic epic olonkho]. Yakutsk, Jakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975, pp. 411-422.
31. Illarionov V. V., Utkin K. D. *Novyj perevod geroicheskogo jeposa saha* [New translation of the Sakha heroic epic]. In: *Polyarnaya zvezda* [Polar star]. 2011, No. 6, pp. 27-29.
32. Robbek L. V. *Funkcional'no-semanticheskie osobennosti yazyka olonho* [Functional and semantic peculiarities of the olonkho language]. *Diss. ... k. filol. n.* Moscow, 2009, 179 p.
33. Vasil'eva A. A. *Strategii sozdaniya epicheskogo mira olonho sredstvami russkogo yazyka* [Strategies of creation of the olonkho epic world by means of the Russian language]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Seriya Jeposovedenie* [Vestnik of North-Eastern Federal university: Series Epic Studies]. 2017, No. 2 (06), pp. 46-57. doi 10.25587/SVFU.2017.6.10662.
34. Vinokurov V. V. *Perevody jakutskogo olonho na razlichnye yazyki mira* [Translations of the Yakut olonkho into various languages of the world]. In: *Jepicheskoe nasledie Evrazii: Dialog kul'tur i pokolenij* [The epic legacy of Euro-Asia: The dialogue of cultures and generations]. Saint Petersburg, Asterion, 2008, pp. 84-90.
35. Tarasova Z. E. *Fonologicheskie aspekty perevoda jakutskih imen sobstvennyh na anglijskij yazyk (na materiale jakutskogo jeposa “Nyurgun Bootur Stremitel'nyj”)* [Phonological aspects of the Yakut proper names translation into English (on the material of the Yakut epic “Nurgun Bootur the Swift”). In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice]. 2013, No. 6 (24), part 1, pp. 202-205.
36. Goncharenko S. F. *Poeticheskij perevod i perevod poezii: konstanty i variativnost'* [Poetic translation and translation of poetry: constants and variability]. In: *Tetradj perevodchika. Vyp. 24.* [Translator's notebooks. Vol. 24]. Moscow, Izd-vo MGLU, 1999, pp. 107-122.
37. Kazakova T. A. *Prakticheskie osnovy perevoda. English-Russian* [Practical basis of translation. English-Russian]. Saint Petersburg, Soyuz, 2001, 320 p.
38. Nahodkina A. A. *O sovremennom sostoyanii perevodcheskoj deyatel'nosti v Respublike Saha (Jakutiya)* [About the modern condition of translation activity in the Sakha (Yakutia) Republic]. In: *Aktual'nye problemy*

perevoda v svete yazykovej politiki: sb. nauch. trudov [Actual problems of translation in the context of the language policy: collection of scientific works]. Yakutsk, IGI AN RS (Ya), 2006, pp. 37-45.

39. Petrova T. I. *Tipologiya perevoda jakutskogo ehposa olonho na russkij yazyk* [The typology of translation of the Yakut epic olonkho into the Russian language]. Yakutsk, IPK SVFU, 2010, 134 p.

40. Hajrullin V. I. *Lingvokul'turnye i kognitivnye aspekty perevoda* [Linguo-cultural and cognitive aspects of translation]. *Diss. ... d. filol. n.* Moscow, 1995, 354 p.

41. Dyachkovskaya V. G. *Translation strategies in the Yakut heroic epic olonkho: lexical problems (on the "Nurgun Botur the Swift" epic)*. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. Vol. 10, 2016, No. 9, pp. 2398-2405. (In Eng. lang.)

42. Vinokurov V. V. *Jakutskij geroicheskiy ehpos-olonho na teatral'noj scene* [Yakut heroic epos-olonkho on the theatre stage]. In: *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanitarian scientific researches]. 2015, No. 12 [Web resource]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/12/13578> (accessed June 7, 2018).

43. Razumovskaya V. A. *Cultural information/memory and aesthetic information in literary translation*. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. Vol. 6, 2012, No. 5, pp. 839-852. (In Eng. lang.)

44. Razumovskaya V. A. *Translating aboriginal Siberian and circumpolar cultures in Russia*. In: *Translators, Interpreters, and Cultural Negotiators Mediating and Communicating Power from the Middle Ages to the Modern Era*. London: PALGRAVE MACMILLAN, 2014, pp. 190-212. (In Eng. lang.)